

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S1605788024050018

Русская академическая толковая лексикография в контексте европейской словарной традиции: формирование лексикографических принципов нормативности и историзма

© 2024 г. Р. И. Воронцов

Кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН,
Россия, 199053, Санкт-Петербург, Тучков пер., д. 9
roman.vorontsov.86@gmail.com

© 2024 г. М. Н. Приемышева

Доктор филологических наук,
заведующая отделом лексикографии современного русского языка,
заместитель директора Института лингвистических исследований РАН,
Россия, 199053, Санкт-Петербург, Тучков пер., д. 9
mn.priemysheva@yandex.ru

Резюме. Статья посвящена проблеме формирования представлений о нормативности и историзме толкового словаря в русской академической лексикографии. Анализ ведется на пересечении отечественной и зарубежных словарных традиций. Устанавливаются факты культурного влияния зарубежных лексикографий на толковые словари русского языка, выявляются национально-специфические факторы, определившие развитие словарного дела в России. Делается вывод о том, что оригинальная отечественная лексикографическая теория, основанная на осмыслении национального и зарубежного опыта, складывается к 1940-м годам, что позволяет реализовать ряд крупнейших словарных проектов во второй половине XX в.

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00407, <https://rscf.ru/project/23-28-00407>

Ключевые слова: история лексикографии, толковый словарь, русская академическая лексикография, европейская лексикография, нормативность, историзм.

Для цитирования: Воронцов Р.И., Приемышева М.Н. Русская академическая толковая лексикография в контексте европейской словарной традиции: формирование лексикографических принципов нормативности и историзма // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2024. Т. 83. № 5. С. 5–24. DOI: 10.31857/S1605788024050018

The Russian Academic Explanatory Lexicography as Part of the European Tradition of Dictionary-Making: Genesis of the Principles of Normativity and Historicism

© 2024 Roman I. Vorontsov

Cand. Sci. (Philol.),
Senior Researcher at the Institute for Linguistic Studies
of the Russian Academy of Sciences,
9 Tuchkov Lane, St. Petersburg, 199053, Russia
roman.vorontsov.86@gmail.com

© 2024 Marina N. Priemysheva

Doct. Sci. (Philol.),
 Head of the Modern Russian Lexicography Department,
 Deputy Head of the Institute for Linguistic Studies
 of the Russian Academy of Sciences,
 9 Tuchkov Lane, St. Petersburg, 199053, Russia
 mn.priemysheva@yandex.ru

Abstract. The article deals with the genesis of ideas of normativity and historicism in an explanatory dictionary, which is typical of the Russian academic lexicography. The analysis is carried out with respect to the Russian and the foreign traditions of dictionary-making. The authors uncover cases of cultural influence of foreign lexicographic methodologies on the Russian explanatory dictionaries. Moreover, the national specific factors are described that have also determined the development of lexicography in Russia. The conclusion is made that the Russian original lexicographic theory based on the interpretation of both national and foreign experience has been formed by 1940s, which helped to implement a number of major lexicographic projects in the second half of the 20th century.

Acknowledgements. The study is funded by the Russian Science Foundation, Project No. 23-28-00407, <https://rscf.ru/en/project/23-28-00407>

Key words: history of lexicography, explanatory dictionary, Russian academic lexicography, European lexicography, normativity, historicism.

For citation: Vorontsov, R.I., Priemysheva, M.N. *Russkaya akademicheskaya tolkovaya leksikografiya v kontekste evropejskoj slovarnoj tradicii: formirovanie leksikograficheskikh principov normativnosti i istorizma* [The Russian Academic Explanatory Lexicography as Part of the European Tradition of Dictionary-Making: Genesis of the Principles of Normativity and Historicism]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2024, Vol. 83, No. 5, pp. 5–24. (In Russ.) DOI: 10.31857/S1605788024050018

1. Введение

Общий взгляд на развитие национальных лексикографий позволяет увидеть в них много схожих динамических черт и в то же время отметить целый ряд специфических, характерных только для данного народа и языка, особенностей. Общеввропейское единство эволюционных процессов в области лексикографической деятельности, убедительно показанное В.Г. Гаком [1], прежде всего, обусловлено *функциями*, для выполнения которых предназначаются словари в разные исторические периоды. Так, на ранних этапах истории лексикографии словари служат справочным и учебным целям, поэтому их появление в форме различного рода рукописных лексиконов, глоссариев, вокабуляриев, азбуковников, призванных разъяснить значения непонятных и иноязычных слов, закономерно для развития письменности и литературы на всех европейских языках. Появление же в национальной лексикографии *толкового* словаря всегда свидетельствует о том, что язык начинает осмысляться как значимый общественный институт, как инструмент государственной политики, и поэтому возникновение толковой лексикографии определяется не столько потребностью данного общества в справочных изданиях,

сколько идеологическими целями, в том числе политическими, социальными, историко-культурными. Именно толковый словарь, создание которого свидетельствует о «совершеннолети» литературного языка и лингвистической зрелости общества, оказывается инструментом, способным решать как научные, так и дидактические задачи [1, с. 13–15].

Высокий уровень развития национальной лексикографии недостижим без разработанной лексикографической теории, которая, собственно, и позволяет интерпретировать словарь как *научное* описание литературного языка. Однако специфика любого словарного описания состоит в том, что оно не может быть полностью сведено к «какой бы то ни было форме научной речи» [2, с. 50], ибо составление словаря представляет собой не столько научную, сколько междисциплинарную *культурную* практику [3, с. 13]. Известные французские лексикографы А. Рей и С. Делесаль объясняют такую «культурологичность» толкового словаря его отнесенностью к «вторичным моделирующим системам» культурного и мировоззренческого порядка — системам, которые семантически организуют тексты, производимые социальным коллективом [4, с. 264]. Любой словарь, таким образом,

транслирует общественную идеологию периода его создания (см. [5]).

В определенном смысле поэтому развитие словарного дела может быть уподоблено *литературному процессу*, протекающему в данном обществе. Неслучайно еще в середине XIX в. академик Я.К. Грот связывал прогресс в области лексикографии со «степенью литературного развития нации» [6, с. 149], характеризуя толковый словарь как особый литературный жанр.

Так, подобно национальной литературе национальная лексикография всецело определяется окружающим ее культурным контекстом и, в том числе, подвергается влиянию иностранных словарных традиций. Именно этим взаимовлиянием, которое, впрочем, происходит на фоне общего для всех европейских народов культурогенеза, и обусловлено концептуальное единство европейских толковых лексикографий. В самом общем приближении оно сводится к тому, что лексикографический континуум осознается социумом как антиномия *нормативного* и *полного* словарей [7, с. 30], представляющих собой полюса на ценностной шкале лексикографии. В других терминотомиях речь может идти о прескриптивном и дескриптивном словарях [8, с. 2], академическом словаре и словаре-справочнике (или тезаурусе) [9], нормативном словаре языка и историческом словаре языка и культуры [4]. Эти терминологические оппозиции, конечно, не синонимичны друг другу, тем не менее невозможно отрицать концептуальное единство путей осмысления лексикографической проблематики в разных национальных традициях.

При этом ценностные ориентации, безусловно, различаются. Если в итальянской, французской, испанской, российской культурах преобладает нормативная толковая лексикография, то в англоязычных и некоторых других странах (Германии, Нидерландах, Дании, Швеции и др.) приоритет отдается словарям исторического тезаурусного типа. Любопытно, что в тех культурах, где доминирует нормативный подход, даже полные исторические словари тяготеют к динамическому описанию литературной *нормы* (как, например, исторический *Trésor de la langue française*, описывающий французский язык XIX–XX вв., но в то же время декларирующий наличие в своей структуре и «нормативного элемента» [10, с. 622]).

Научное соотношение и аксиологическая значимость типов нормативного и полного (исторического) словарей определяют сущностную специфику каждой из национальных толковых лексикографий. В отечественной традиции

обсуждение типологической проблематики почти всегда предваряет разработку новых словарных концепций и вот уже более двухсот лет сохраняет актуальность и остроту. При этом решение данной проблемы в каждом конкретном толковом словаре обуславливается не только экспертным мнением авторитетных лексикографов, но и, прежде всего, культурно-исторической спецификой эпохи, в которую этот словарь создается.

В настоящей статье будет предложен обобщенный взгляд на пути формирования представлений о нормативном и историческом толковом словаре в истории российской лексикографии. Ниже будет показано, что данное проблемное поле в разные периоды может определяться и универсальными тенденциями в развитии лексикографии, и влиянием иностранных традиций, и усилением национально-специфических факторов, — однако во всех случаях оно обусловлено культурно-исторически. Фундаментом для его построения каждый раз становится объединение национального словарного опыта и воспринятых и творчески интерпретированных достижений зарубежной лексикографии.

2. Генезис представлений о нормативности и историзме толкового словаря в европейской и русской лексикографии XVII–XIX вв.

2.1. Традиция нормативной лексикографии

Появление первых толковых словарей в Европе было связано с осознанием роли единого литературного языка в централизации нации и государства, с необходимостью «законодательно» закрепить социальный престиж отдельных диалектов или языков элитарных общественных групп. Цель научных сообществ и академий, создававшихся в XVI–XVIII вв. в странах Европы, состояла в том, чтобы «установить общеупотребительные нормы в национальных языках, которые пришли на смену латинскому языку во всех сферах жизни и деятельности людей <...>, во всех жанрах литературы» [11, с. 13]. Единственным верным решением этой задачи было составление нормативного толкового словаря.

В 1583 г. во Флоренции создается Академия делла Круска (*Accademia della Crusca*¹), которая

¹ Сама метафора в названии Академии была показательной. Как отмечается в Словаре Брокгауза и Эфрона, «Crusca (Accademia della C.; собств. “академия клея”) — итальянское ученое учреждение, поставившее себе целью очищение языка “как муки от клея”; основано во Флоренции поэтом Грацини в 1582 г. <...>. К<руска> послужила образцом для французской академии и аналогичных немецких обществ XVII в.» [12, с. 857]. В настоящее время слово *crusca* чаще переводится как *отруби* — ‘побочный продукт мукомольного производства’.

подготовила и в 1612 г. издала *Vocabolario degli Accademici della Crusca* — нормативный словарь образцового итальянского языка, «очищенного» от всего того, что нарушало его красоту и ясность. Словарь создавался на основе произведений классических флорентийских литераторов XIV в. (Данте, Петрарка, Боккаччо) с целью кодификации тосканского диалекта. Академия делла Круска в свою очередь послужила образцом для создания Французской Академии, которая была основана в 1635 г. кардиналом Ришелье и задача которой также заключалась в изучении и совершенствовании французского языка и в создании его словаря — *Dictionnaire de l'Académie française* (первое издание — в 1694 г.). Позднее, в 1713 г., в Испании создается Королевская академия, одним из результатов деятельности которой стал шеститомный *Diccionario de la lengua castellana*, иначе называемый *Diccionario de Autoridades* («Словарь авторитетов»), изданный в период с 1726 по 1739 г. Целью словаря также стала кодификация образцового словарного состава испанского языка на базе кастильского диалекта.

Проблемами языка и литературы, по аналогии с Французской Академией, стали заниматься созданная в 1700 г. Прусская академия наук (в 1744 г., при Фридрихе II, после объединения ее с Берлинским литературным обществом переименована в Королевскую академию наук), Шведская академия, основанная по распоряжению короля Густава III в 1786 г., а также общества, созданные в Бельгии, Нидерландах, Дании, однако словарная работа в них или не велась вовсе, или началась позднее и на других основаниях.

В Англии и Германии толковая лексикография не была напрямую связана с деятельностью специально созданных академий, однако в этот же период, во второй половине XVIII — начале XIX в., в этих странах также появляются толковые словари, авторитетность которых была определена популярностью итальянского и французского академических словарей. Так, рассматривая крупные словари английского языка, акад. И.И. Срезневский отмечал: «Влияние Итальянской Академии della crusca и Академии Французской, распространяясь по всей образованной Европе, не миновало и Англии: первые замечательные словари английского языка для англичан были в значительной степени подражаниями словарей этих Академий — по мысли, если не по исполнению» [13, ч. IV, с. 235]. Срезневский подробно анализирует в этом контексте следующие издания: *A Dictionary of the English Language* С. Джонсона (1755), *A New Dictionary of the English*

Language Ч. Ричардсона (1836—1837). В Германии словарями подобного типа стали *Versuch einen vollständigen grammatisch-kritischen Wörterbuches der Hochdeutschen Mundart* И.К. Аделунга (1766—1786) и *Wörterbuch der Deutschen Sprache* Й.Г. Кампе (1807—1812) (см. [14]).

Нормативные задачи словарей, подготовленных в XVII—XVIII вв. академиями, научными обществами или отдельными лексикографами по их образцу, подчеркивают «важность толкового словаря для языковой нормализации в централизованном государстве» [1, с. 17] и позволяют утверждать, что нормативный толковый словарь в определенный исторический период становится одним из инструментов национальной политики по централизации государства и интеграции общества.

В рамках этой европейской культурно-идеологической традиции закономерным стало создание в 1783 г., по инициативе княгини Е.Р. Дашковой и по указу Екатерины II, Академии Российской — учреждения, призванного заниматься проблемами русского языка и русской словесности². Важнейшим результатом ее деятельности стало издание «Словаря Академии Российской» (САР) в 1789—1794 гг. Лексикографическая направленность отечественной Академии свидетельствует о влиянии опыта аналогичных европейских учреждений, однако концептуальное сходство русского и европейских словарей, преследующих цель очищения и упорядочения языка, «скорее, вызвано сходством языковых ситуаций» [11, с. 14]: в России XVIII в., как и ранее в европейских странах, национальный язык, существовавший

² Из воспоминаний Е.Р. Дашковой: «Однажды мы с императрицей прогуливались в ее царскосельском саду, беседуя о красоте и богатстве русского языка. Я выразила ее величеству удивление тем, что, будучи сама сочинительницей и только любя наш язык, она до сих пор не учредила Российской Академии, необходимой нам, поелику у нас тогда еще не было установленных правил и добротного словаря, кои избавили бы нас от глупого обыкновения употреблять иностранные понятия и слова, и это при том, что мы обладаем собственными и гораздо более выразительными. “Не знаю, как так получилось, — ответила мне императрица, — ибо вот уже несколько лет как я мечтаю об этом и даже отдала на этот счет некоторые распоряжения”. — “Это тем более удивительно, ваше величество, — сказала я, — ведь нет ничего легче: поелику в Европе существует уже несколько подобных Академий, и надобно только выбрать”. — “В таком случае, — ответила императрица, — прошу вас составить для меня план сего предположения”. — “Но, — возразила я, — было бы лучше, ежели бы вы приказали одному из ваших секретарей представить вам все, что касается Французской, Берлинской и некоторых других Академий с предложениями о том, что следует отменить или, наоборот, привести для устройств нашей Академии”» [15, с. 345].

в условиях двуязычия (церковнославянский и русский, латынь и французский, испанский, итальянский и т.д.), начинал приобретать самостоятельный статус, что, в свою очередь, требовало регламентации языкового употребления³.

Для истории и теории российской лексикографии этот этап в развитии отечественной филологии невозможно переоценить.

Первым важнейшим следствием деятельности Академии Российской стало то, что в России, как и в ряде европейских стран, выбравших Словарь Французской академии за образец, сформировался *высокий авторитет академического словаря*. Как отмечал Я.К. Грот, «в русской литературе нельзя не признать благотворного значения Академии в деле выполнения задачи составления словаря. <...> Без Российской академии, которая в 11 лет составила свой первый словарь, у нас, может быть, еще и до сих пор не было бы подобного труда» [6, с. 149]. Особенную авторитетность и самому изданию, и, как следствие, всей русской академической лексикографической традиции придал тот факт, что в создании словаря приняли участие не только выдающиеся ученые, но и писатели, поэты, государственные и общественные деятели эпохи (Е.Р. Дашкова, Я.В. Брюс, Д.И. Фонвизин, Г.Р. Державин, адмирал И.Л. Голенищев-Кутузов, астроном С.Я. Румовский, настоятель Исаакиевского собора Г.М. Покорский и др. [17, с. 60]).

Вторым следствием влияния европейской лексикографии стало то, что САР, ориентируясь на французский академический словарь в своем целеполагании — отразить эталонный язык образованных слоев общества, встал в ряд аналогичных по концепции изданий (словаря Академии делла Круска, испанского Словаря авторитетов) и задал в России традицию отражения в толковом словаре *языковой нормы*, иными словами, придал импульс развитию *нормативной лексикографии*. Нормативность словаря достигалась за счет тщательного отбора слов, допустимых и рекомендованных для широкого употребления. В словарь не включались слова, «благопристойности противны», а также узкоспециальная, устаревшая,

областная лексика и иностранные слова, «введенные без нужды» [17, с. 124].

Третьим важным следствием усвоения европейской нормативной традиции в России стало устойчивое представление об особенном лексикографическом авторитете *литературного языка*. САР первым отразил языковую норму как норму *литературную*. Несмотря на то что в русском академическом словаре, так же, как и в Словаре Французской академии, значения в основном иллюстрируются речениями (лишь периодически в САР встречаются цитаты из произведений Ломоносова и церковных текстов), оба эти словаря в своих нормативных оценках «ориентируются на “bel usage” — языковое употребление, принятое в аристократических кругах и у лучших писателей» [11, с. 20].

Впоследствии в российской лексикографии — как нормативной, так и исторической — литературная основа приобретет еще большее, во многом определяющее значение. Ядром эмпирической базы всех русских толковых словарей, начиная со «*Словаря русского языка*» под ред. Я.К. Грота (1891–1895) и заканчивая современными словарями, станут выписки из образцовых, классических произведений русской словесности. В европейской нормативной лексикографии этот принцип последовательно проводился в XVII–XVIII вв. итальянской и испанской академиями⁴, в России же он утвердился позднее, причем этому парадоксально способствовало усвоение нашей лексикографией принципиально иной традиции — исторической — с ее вниманием к реальному языковому факту и строгим требованием научной доказательности (см. далее).

«Литературоцентризм», характерный для отечественной культуры при осмыслении феномена языковой нормы, имеет глубокие ментальные, национально-культурные корни (см., напр.: [18]–[20]). Представляется важным, что сам выбор русской элитарной культурой конца XVIII в. «нормативного» пути для национальной толковой лексикографии и кодификации *литературного языка* обусловлен традиционно высоким престижем древнерусской книжности, печатного слова в истории русской культуры, сформировавшимся под влиянием церковнославянского языка.

³ Из «Краткого начертания Академии»: «2. Императорская Российская Академия долженствует иметь предметом своим вычищение и обогащение русского языка, общее установление употребления слов онаго, свойственное оному витийство и стихотворение. 3. К достижению сего предмета должна сочинить прежде всего Российскую грамматику, Российский словарь, риторику и правила стихотворения. 4. Как такового рода книги не могут быть сочинены одним человеком, то и нужно общество» [16, с. 16–17].

⁴ Х. Касарес, сравнивая испанский Словарь авторитетов со Словарем Французской академии, остроумно замечает: «Первые испанские академики, напротив (в отличие от французских. — Р.В., М.П.), обладая примерной скромностью, никогда не претендовали на то, чтобы им верили на слово, и прибегали к совпадающим между собой свидетельствам писателей, уже отмеченных славой» [7, с. 29].

Об особой роли языка литературы при создании толкового словаря свидетельствует и выделяемый И.И. Срезневским (автором первой в российской лексикографии научной типологии словарей) тип «литературного», или «писательского», словаря. «*Литературный*» словарь, в отличие от словаря «*народного языка*» и словаря «*филологического*»⁵, должен «не переводить слова, под которыми подразумевают те или иные понятия, а самим понятиям давать определенное название», «в нем отмечены все условия как чистоты и правильности, так и богатства языка» [13, ч. I, с. 150]. Обосновывая взаимосвязь между уровнем развития литературы и литературным словарем, Срезневский отмечает: «Великие писатели были всегда отличными знатоками своего языка, его истолкователями, и всегда оставляли по себе материалы для его грамматики и словаря. Они, говорят, даже обогащали язык» [Там же]. Кроме того, по Срезневскому, в «литературном» словаре «должны быть отличены слова употребительные от неупотребительных, слова, годные всегда или в известных случаях, от вовсе негодных. <...> Должны в нем помещаться слова однозначные и подобнозначные с обозначением особенного смысла каждого из них и их ценности литературной. <...> В нем необходимы указания на выражения писателей и на выражения народные, как на свидетельства и примеры подлинного, правильного и изящного употребления слов. В нем необходимо наконец и соблюдение правил общепринятого правописания и обозначение грамматических подробностей» [13, ч. I, с. 150–151].

Взгляд на типологию И.И. Срезневского с высоты сегодняшнего дня, с учетом всех современных достижений теории лексикографии, позволяет по достоинству оценить глубину идей лексикографа XIX в. Предложенный им тип «литературного» словаря базируется на *функциональном* подходе к описанию лексики, учитывает ее *стилистическое* расслоение и призван давать языковым фактам *нормативную* оценку. В этой характеристике угадываются контуры

нормативно-стилистического словарного типа, буквально выстраданного отечественной лексикографией в ходе реализации академических словарных проектов XX в. (см. об этом [21]; [22]). Истоки же этой научной традиции, как представляется, следует искать в первом русском нормативном толковом словаре — САР, ориентированном в том числе на отражение функциональных разновидностей языка (за счет использования помет «*просто*», «*просторечие*» и «*простонародное*» при характеристике слов живого, собственно русского разговорного языка, противопоставленного языку «славенскому» [17, с. 107]).

Таким образом, доминирующей традицией в Европе XVIII в., в период, на который пришлось и зарождение российской толковой академической лексикографии, было влияние итальянской и французской лексикографических школ, ориентированных на создание нормативно-стилистических словарей. Начиная с первого академического толкового словаря (САР) важнейшим базовым принципом российской толковой лексикографии становится принцип *нормативности*, заключающийся в отражении в словаре только такой лексики, которая соответствует, по мнению его создателей, *литературной норме*.

2.2. Традиция исторической лексикографии

В начале XIX в. в различных странах Европы начинает складываться другая, противоположная нормативной, традиция составления словарей. В этот период, характеризовавшийся утратой абсолютизма в результате Великой французской революции и ростом национального самосознания европейских народов после завершения наполеоновских войн, под влиянием возросшего общественного и научного интереса к национальной истории, этнографии, фольклору, в связи с расцветом романтизма в искусстве и становлением сравнительно-исторического метода в языкознании на смену нормативности приходит новый принцип фундаментальной толковой лексикографии — принцип *историзма*.

Понимаемый как исторический метод работы с языком, историзм толкового словаря подразумевал объединение в одном лексикографическом произведении хронологически обширного языкового материала, лексики национального языка за всю его письменную историю или за отдельный период развития. Своего рода манифестом историзма в толковой лексикографии, осознанно противопоставленного нормализаторской традиции Французской Академии, стал словарь немецкого языка Якоба и Вильгельма Гриммов

⁵ По мнению И.И. Срезневского, словарь «народного» языка «должен быть хранителем, истолкователем всех фактов образованности народа, насколько она выражается звуками его языка, и потому полнота объяснений слов тем более в нем необходима, чем теснее связана она с особенностями жизни народа», тогда как цель «филологического» словаря — «отвечать на все вопросы о языке», включать «данные о корнях языка, их превращениях, их первообразных значениях, о формах образования слов в зависимости от смысла, им придаваемого <...>, данные об истории корней, форм словных и слов в отношении к звукам и понятиям, им выражаемым» [13, ч. I, с. 148, 151–152].

(*Deutsches Wörterbuch*), работа над которым началась в 1830 г., а первый том вышел в 1854 г.

В Предисловии к его изданию, переведенном на русский язык и опубликованном Я.К. Гротом в 1859 г. (что само по себе говорит о большом значении, которое придавали словарю Гриммов их современники, в том числе за пределами Германии), Я. Гримм подчеркивает несколько принципиальных отличий немецкого словаря от предшествующей традиции: это словарь «народного» языка, он «составляет резкую противоположность со словарями других языков, возникшими в ученых обществах и изданными на счет правительств, как было во Франции, в Испании и в Дании»; этот словарь «должен быть святилищем языка, хранить все богатство его и содержать открытый к нему доступ. Собрание слов растет как соты и становится драгоценным памятником народа, которого прошедшее и настоящее в нем сливаются» [6, с. 148–151]⁶.

Словарь Гриммов становится первой научно обоснованной попыткой создания *исторического мезауруса* («сокровищницы») живого национального языка. При этом чрезвычайно важно учитывать, какой именно смысл вкладывался Я. Гриммом (и другими немецкими учеными его времени) в понятие «исторический». По утверждению С.В. Смирницкой, термин *история* для Гримма является синонимом термина *эмпирия*, что означает, прежде всего, внимание к источникам, точное и строгое изучение деталей, живое, непосредственное наблюдение фактов языка, которое возводится Гриммом «в высшую добродетель историка и языковеда» [23, с. 140–161]. Рассматривая язык как отражение исторических судеб народов, романтик Гримм «защищает присущую любому языку органичность, сбалансированность старых и новых форм, исконного и заимствованного» и поэтому «решительно возражает против любого насильственного вторжения в сферу языка» [23, с. 160–161], понимая под таким вторжением, в первую очередь, попытки языковой нормализации и кодификации.

Концепция словаря Гриммов в полной мере отвечала духу своего времени — с его вниманием

⁶ Несмотря на то что словарь Гриммов был историко-этимологическим и включал лексику различных диалектов административно раздробленной Германии, он фактически выполнял ту же функцию, что и академические словари в централизованных государствах, а именно — интегрирующую: этимологический принцип был призван показать генетическую общность различных диалектов немецкого языка и, тем самым, — единство Германии. Словарь стал сводным словарем лексики немецких диалектов с XV в. в исторической перспективе.

к национальной истории, с требованием научной доказательности и приоритетом позитивного знания над философскими спекуляциями. Именно поэтому она породила импульс, приведший к возникновению новых лексикографических проектов и дискуссий в Европе. Историческая традиция, манифестированная словарем Гриммов, впоследствии становится магистральной в тех странах, где не было традиции академической нормативной лексикографии, и — типологически конкурентной там, где такая традиция существовала.

В конце 1850-х годов в Англии, при Королевском филологическом обществе, под руководством Дж. Мюррея начата работа по созданию будущего исторического Оксфордского словаря — *A New English Dictionary on Historical Principles*, в 1882 г. начал выходить многотомный словарь голландского языка (*Woordenboek der Nederlandsche Taal*), в 1898 г. — словарь шведского языка (*Ordbok öfver Svenska Språket utgifven af Svenska Akademien*), в 1919 г. — датский словарь (*Ordbog over det Danske Sprog*). Эти словари включают лексику письменных текстов, начиная с XII в. (Оксфордский словарь), с XVI в. (словари голландского и шведского языков) или — как словарь датского языка — с 1700 г.

Интересно в этом отношении изменение типологической принадлежности Словаря Шведской академии (работа начата в 1850-е годы). Я.К. Грот при его анализе отмечает, что сначала за образец был взят нормативный Словарь Французской академии, но затем шведские лексикографы пришли к необходимости иллюстрирования слов из произведений классической литературы от «короля Густава I и введенной им реформации» (т.е. с XVI в.) [6, с. 135], что фактически сделало их словарь историческим.

В тех культурах, где толковая лексикография успешно развивалась в рамках нормативной традиции, практика разработки исторических словарей возникла позднее в качестве ее альтернативы. Так произошло, например, в Испании (см. известную монографию Х. Касареса, поводом для создания которой стало «решение Испанской королевской академии о выпуске большого Исторического словаря испанского языка» [7, с. 17]), во Франции (ср. *Trésor de la langue française* под ред. П. Имбса, издававшийся в 1971–1994 гг. или *Dictionnaire historique de la langue française* А. Рея, вышедший первым изданием в 1992 г.) и в Италии (где первый исторический словарь — *Tesoro della Lingua Italiana delle Origini* — создается в настоящее время).

Сильное впечатление немецкий словарь Гриммов произвел и на российских лексикографов. Во второй половине 1850-х годов его обсуждают на заседаниях Второго отделения Императорской Академии наук, с высокими оценками концепции Гриммов в академических «Известиях» выступают Я.К. Грот [6] и И.И. Срезневский [24]. Однако в целом, несмотря на безусловное немецкое влияние, традиция исторической лексикографии, возникавшая в России в первой половине XIX в., была обусловлена не столько словарем Гриммов, сколько единством развития идейно-научной и культурно-художественной европейской парадигмы и — не в последнюю очередь — собственно русскими национальными факторами.

Так, коренной перелом в развитии толковой лексикографии в России происходит уже при издании *«Словаря церковнославянского и русского языка»* 1847 г., который «порывает с нормативными тенденциями предшествующего периода» [25, с. 220]. Во многом обусловленный замыслом архаиста А.С. Шишкова, занимавшего пост президента Российской Академии до 1841 г. (см. [26]), словарь совместил в себе три языковые стихии: церковнославянскую, славяно-русскую и собственно русскую [17, с. 174], — и тем самым приблизился к идеалу «сокровищницы языка» раньше, чем этот поворот совершился в западно-европейских лексикографиях.

Таким образом, концепция полного исторического словаря к середине XIX в. уже получила на русской почве первую попытку воплощения, и именно с ней связывалось тогда будущее российской толковой лексикографии. В 1853 г. (за год до выхода первого тома словаря Гриммов) И.И. Срезневский излагает близкий к гриммовскому взгляд на концепцию очередного словаря русского языка: «Если Академия и не предполагает свой Словарь делать историческим, то все-таки она должна включить в его состав все, чем выражается образованность русская со всеми своими знаниями и понятиями и о современности, и о прошедшем, особенно своем отечественном. Если это так, то нельзя ограничить состав Словаря кругом слов общеизвестных и общепотребительных во всех слоях народа одинаково: такой сборник слов русских для русских почти бесполезен. Напротив того, каждый из русских, пользуясь общим достоянием языка, употребляет для выражения своих понятий очень много слов, хотя менее или более не всем известных, но тем не менее незаменимых никакими другими, и, следовательно, составляющих часть необходимую в составе русского языка. <...> Всякое из таких

слов, вошедшее в состав языка не по чьей-нибудь личной прихоти, а по необходимости, с одинаковым правом должно занять свое место в русском словаре. Обилие этих слов в языке есть признак богатства языка; обилие их в словаре есть признак полноты его» [27, с. 165].

Однако, несмотря на стремительное развитие исторического языкознания в России во второй половине XIX в., воплощение этого словарного замысла было отложено. И.И. Срезневский посвятил себя сбору материалов для исторического словаря древнерусского языка, и только в самом конце века А.А. Шахматов, возглавивший словарную работу в Академии наук, приступил к реализации толкового *«Словаря русского языка»* (1897–1930) по типу исторического тезауруса (см. далее).

Итак, к середине XIX в. в европейской и, в том числе, в российской толковой лексикографии стала преобладать историческая традиция. Такая перемена в типологических ориентациях лексикографии была, прежде всего, связана с общим изменением социокультурного климата — ростом национального самосознания народов, возникновением романтизма в литературе и искусстве, развитием сравнительно-исторического языкознания и гуманитарной науки в целом. Можно предположить, что стадийность в типологических предпочтениях фундаментальных словарей и их взаимосвязь с идейными, художественными и социально-политическими традициями эпох свидетельствуют о связи развития фундаментальной лексикографии национальных языков с прогрессом в области литературы и филологической культуры народов.

Тем не менее было бы совершенно неверно полагать, что нормативная толковая лексикография вовсе сошла со сцены. В 1835 и 1877 гг. выходят шестое и седьмое издания типологически неизменного Словаря Французской академии, в течение почти всего XIX в. ведется работа над пятым изданием словаря Академии делла Круска, в России в конце столетия выходит первый том нормативного *«Словаря русского языка»* под ред. Я.К. Грота (о нем см. далее). Поэтому можно сделать следующий вывод: к середине XIX в. в европейской толковой лексикографии сформировались два различных базовых принципа, определявшие в свою очередь все остальные характеристики фундаментальных толковых словарей (состав словника, исторические границы материала, характер и объем иллюстраций). Этими принципами были: 1) *принцип нормативности*, предполагающий описание ограниченного словарного состава литературного языка в его

стилистическом расслоении, и 2) *принцип историзма*, позволяющий описывать в словаре всю лексику национального языка за определенный исторический период.

Возникновение данных словарных методологий на разных стадиях культурного развития европейских народов стало необходимым следствием смены социокультурных парадигм. Однако само осознание и отвлеченное осмысление этих принципов как научных и культурных сущностей потребовало десятилетий и стало важным шагом на пути к формированию лексикографической теории.

3. Рецепция зарубежного опыта в истории российской лексикографии: проблема нормативности и историзма толкового словаря

Хотя интерес российских ученых к иностранным словарям сопровождает нашу толковую лексикографию на всем протяжении ее истории, все же нельзя не заметить некоторые моменты особенно пристального внимания к зарубежному опыту. Всякий раз, когда отечественная лексикография подводит итог прежней традиции и вступает на путь поиска новых идей, именно зарубежные словарные проекты оказываются точкой опоры для выработки новых концепций. При этом, поскольку любая лексикография не только развивается в соответствии с универсальными культурными тенденциями, но и, прежде всего, глубоко укоренена в национальной культуре, важнейшей задачей лексикографов оказывается адаптация заимствованных идей, их творческая интерпретация в связи с национальной языковой и культурной спецификой.

Созданию первого толкового словаря русского языка (САР) предшествовало всестороннее изучение его лексикографического образца — Словаря Французской академии. Для российских академиков французский словарь был не только незаменимым источником лексикографических решений, но и одним из немногих доступных им справочных пособий по вопросам лингвистики (помимо французского словаря авторы САР располагали только «Российской грамматикой» М.В. Ломоносова и рукописью раздела о частях речи из «Российской грамматики» А.А. Барсова [11, с. 17]).

Таким образом, с самого основания Российской Академии зарубежный лексикографический опыт оценивался как чрезвычайно значимый. Неслучайно в 1831 г., при обсуждении концепции следующего академического словаря, действительный член Академии М.М. Сперанский утверждал:

«Для установления сих правил (для составления Славяно-русского словаря. — *Р.В., М.П.*) надлежало бы, кажется, прежде всего собрать и рассмотреть правила, кои наблюдаемы были в других государствах; не мы первые сочиняем словарь: нужно посмотреть, на каких основаниях составляли его в Академии Делла Круска, в Парижской и Джонсон в Англии. То, что там придумано основательно, принять; другое сменить своим» (цит. по: [6, с. 190]). Показательно, что все образцы, к которым отсылает Сперанский, относятся к нормативной лексикографической традиции, — однако уже с 1820-х годов Российская Академия, возглавляемая А.С. Шишковым, постепенно двигалась в направлении полного исторического словаря, каковым в итоге и стал академический словарь 1847 г. [26, с. 154].

Почти сразу после издания этого словаря во Втором отделении Императорской Академии наук наступает период активной дискуссии по вопросам лексикографии. Значимость этого периода трудно переоценить. По сути дела, именно тогда российской лексикографией был сделан первый серьезный шаг к выработке теоретической платформы с положенной в ее основу оригинальной словарной типологией (см. выше и в [13, ч. I]).

Очень большое внимание уделяется в это время изучению зарубежного лексикографического опыта. Серьезную аналитическую работу проводит акад. И.И. Срезневский. В своем четырехчастном очерке «Обозрение замечательнейших из современных словарей» [13] он подробно останавливается на анализе французской и английской лексикографических традиций — от их истоков до середины XIX в. Крупнейшие словари Франции и Англии рассматриваются Срезневым в связи с «неизбежностью и важностью вопроса», «между какими именно памятниками того же рода придется новому “русскому словарю” занять место» [13, ч. I, с. 145].

Обозревая большое количество словарей различных европейских языков, ученый рассматривает несколько критериев (порядок расположения слов, язык толкований и некот. др.), но одну из важнейших антиномий лексикографии он связывает с подходом к отбору слов, включаемых в словарь. В частности, Срезневский пишет: «Флорентийская Академия della Crusca и Академия Французская первые дали значение этому вопросу <...>. Многие образованные люди остаются непоколебимы при убеждении, что в словаре должны занимать место только те слова, которые годны для употребления в кругах образованного общества <...>. Это мнение, впрочем, находит себе

защитников всего менее между лексикографами, в кругу которых развилось мнение совершенно противоположное. Всякое слово, каково бы оно ни было, если только оно принадлежит языку народа, или употреблено хоть раз в книге, и может на себе остановить внимание или недоразумение читателя, должно занять свое место в словаре, которого цель не оценивать достоинство слов и выражений, а объяснять их значение и определять круг их употребления» [13, ч. II, с. 157–158]. Аналогичные взгляды И.И. Срезневский высказывал и ранее (см. выше), однако теперь он подкрепляет их отсылкой к только что вышедшему первому тому словаря Я. и В. Гриммов, которые, по словам академика, «держатся почти такого же мнения о полноте словаря» [13, ч. II, с. 159].

К иному заключению в это же время приходит акад. Я.К. Грот, сосредоточивший усилия на осмыслении опыта шведской, немецкой и датской лексикографий в сопоставлении с классической «французской» (=нормативной) традицией [6]. Этой традиции Грот противопоставляет традицию «немецкую» (=историческую, этимологическую), ярчайшим представителем которой является, безусловно, словарь Гриммов: Грот подвергает его концепцию глубокому и подробному анализу, критикует отдельные аспекты, но в целом дает очень высокую оценку. Наиболее значимым «упреком» в адрес Гриммов (сделанным, впрочем, вслед за выступлением «германских критиков») становится указание на «слишком ученое направление» и «непрактичность» их словаря, его несоответствие запросам широкой аудитории. Проецируя это на российскую почву, Грот формулирует, на наш взгляд, важнейший для отечественной лексикографии тезис: «То, что слишком учено для германской публики, конечно никуда бы не годилось для русской. Вот почему мы в своих лексикографических трудах должны, кажется, еще *более брать в пример французов, нежели немцев*: словари первых отличаются особенно своею применимостью к потребностям общества. Отсюда не следует, чтоб нам не нужно было принимать в соображение и начал, которыми руководствуются немцы; но при этом мы должны остерегаться их умозрительных увлечений (курсив наш. — Р.В., М.П.)» [6, с. 171–172].

Таким образом, в трудах Я.К. Грота и И.И. Срезневского на основе широкого изучения опыта зарубежной лексикографии отчетливо определяются два противопоставленных принципа разработки толкового словаря — нормативный и исторический. Волею судьбы оба они будут попеременно реализованы в одном лексикографическом

произведении — следующем академическом «*Словаре русского языка*» (1891–1930). Его первый том, созданный под редакцией Я.К. Грота (буквы А–Д), станет образцом *нормативного* словаря литературного языка, тогда как последующие тома и отдельные выпуски, подготовленные А.А. Шахматовым и его последователями, станут воплощением *исторического тезаурусного* подхода (см. далее).

Очередным важным с точки зрения усвоения и интерпретации зарубежного лексикографического опыта периодом становится раннесоветская эпоха 1920–1930-х годов Толковая лексикография в это время характеризуется двумя основными процессами. Во-первых, продолжается тезаурусный проект «шахматовской редакции» академического словаря — вплоть до 1930-х годов, когда он был сначала скорректирован в пользу нормативности в «*Словаре русского языка*» под ред. акад. Н.С. Державина, а затем полностью прекращен (см. [28]). Во-вторых, в связи с неотложными потребностями молодого советского государства в нормативной толковой лексикографии возникает утилитарное «ортологическое» направление, нацеленное на создание краткого «словаря для пользования (и учения) всех» (В.И. Ленин) (см. [29]). Однако в этот же период возникает и тезис о необходимости глубокого синтеза национальной лексикографии и лучших из зарубежных традиций — чтобы выработать, наконец, единый, научно обоснованный подход к словарной работе.

Так, в 1927 г. в статье, посвященной лексикографическим перспективам Академии наук, акад. В.М. Истрин пишет: «Словарная работа над русским языком должна исходить, во-первых, из научных данных общего характера, на которых основываются словарные работы всюду, где существуют филологические науки, а во-вторых, из своих особых исторических условий» [30, с. 1667]. И в этом же году для изучения лексикографического опыта во Францию командировается зам. председателя Словарной комиссии АН СССР Л.В. Щерба (см. [31]), с именем которого впоследствии и будет связано появление уникальной отечественной теории лексикографии.

Л.В. Щерба, обладавший огромным опытом практической словарной работы, был, безусловно, и одним из лучших знатоков мировой лексикографии своего времени. В его фундаментальной работе 1940 г. «Опыт общей теории лексикографии» [9], где широкое обобщение лексикографической проблематики представлено в виде системы оппозиций («противоположений»), типологически соотнесены крупнейшие мировые словари, в том числе и российские, и таким

образом установлена концептуальная связь между ними. В противопоставлениях первом («словарь академического типа — словарь-справочник»), третьем («thesaurus — обычный словарь») и шестом («неисторический словарь — исторический словарь») интерпретирована основная антинomia в истории фундаментальных европейских лексикографий, соотносимая (в зависимости от принадлежности к той или иной культуре) с прескриптивным и дескриптивным подходами к описанию языка, с принципами нормативности и полноты толкового словаря, с идеями литературного и национального языка как объекта лексикографии, с принципом отражения языка единого реального человеческого коллектива и принципом показа всех фактов употребления языка народа в исторической и культурной перспективах.

Сущностный принцип нормативного («академического») словаря, по Щербе, заключается в том, что в его основе «лежит единое (реальное) языковое сознание определенного человеческого коллектива в определенный момент времени» [9, с. 90], т.е. важен не объем и характер словника, а то, что этот словник представляет собой некоторое функционирующее в реальной речевой практике лингвистическое единство, называемое автором «Опыта...» *системой языка*. С другой стороны, в основе «словарей-справочников», противопоставленных нормативному типу, «вовсе не лежит какого-либо единого языкового сознания: слова, в них собранные, могут принадлежать разным коллективам, разным эпохам и вообще не образуют какой-либо системы»; кроме того, чаще всего в основе таких словарей (близких к тезаурусному типу) «лежит идея нации, более или менее сужаемая и расширяемая как географически, так и исторически» [9, с. 90].

Щербовские противопоставления позволили интерпретировать исходную оппозицию нормативного и полного толковых словарей в терминах *синхронии* (отражение среза актуальной для языковой системы данного периода лексики с нормативно-стилистическими рекомендациями) и *диахронии* (максимальное включение в словарь лексики за длительный период его существования). Тем самым было обозначено различие задач, выполняемых противопоставленными словарными типами, и следовательно, научно обоснована необходимость разработки и того, и другого словаря. Однако, учитывая организационную сложность реализации крупных словарных проектов, Щерба все же допустил и возможность объединения типологически разных словарей в одном

лексикографическом издании: «Если нельзя сделать двух словарей, надо вступить на путь компромиссов, четко их оговаривая» [9, с. 97].

Так, учение Л.В. Щербы, основанное на осмыслении лучших достижений европейской и российской лексикографии, стало у нас первой полноценной лексикографической теорией, легшей в основу всех последовавших за ней толковых словарей русского языка. И первым проектом, попытавшимся воплотить эти идеи, стал «*Словарь современного русского литературного языка*» (БАС-1), соединивший в себе нормативный и исторический подходы к описанию русской лексики от эпохи Пушкина до современности (см. далее).

4. Пути практической реализации нормативного и исторического подходов к описанию лексики в толковых словарях русского языка

Из всего вышеизложенного следует, что, возникнув под влиянием французской словарной традиции, русская академическая толковая лексикография в дальнейшем каждый раз, при подготовке очередного словаря, вырабатывала новые теоретические основания, которые — в связи с различными научными и социокультурными факторами — или приближались к исходным нормативным установкам, или, напротив, удалялись от них в область историко-тезаурусной лексикографии. Отсутствие единого магистрального пути в эволюции лексикографических подходов стало специфичным для российской лексикографии сценарием развития — в отличие от лексикографий других европейских культур. Так, например, во Франции толковые словари вплоть до сегодняшнего дня осмысляются как произведения «дидактические» [2], или нормативные. И наоборот, в английской лексикографии принципиальным типологическим параметром словаря начиная с XIX в. признается дескриптивизм, понимаемый как регистрация фактов языка и отказ от любого нормализаторства [32, с. 128].

Несмотря на то что в каждой развитой национальной лексикографии сегодня, безусловно, представлены словари, относящиеся к различным типам, фундаментальная толковая лексикография того или иного языка всегда тяготеет к одному из описанных векторов развития. Вследствие этого лексикографии, пошедшие нормативным путем, позднее были вынуждены обратиться к разработке особых исторических словарей; и напротив, выбор дескриптивного подхода позволил создавать гибридные словари, которые одновременно с описанием современного языка решали и проблему показа его истории.

В российской толковой лексикографии XVIII — начала XX в. каждый последующий академический словарь создавался на иных основаниях, чем предыдущий. Первый из них — *«Словарь Академии Российской»* (1789–1794), впитавший в себя нормативную традицию, — ориентировался на образцовое словоупотребление и следовал принципам отбора слов, заложенным Словарем Французской академии, что предполагало исключение или ограничение в словнике устаревших, простонародных, иностранных и диалектных единиц [17, с. 124]; [33, с. 18]. И хотя понятие нормативности появится в отечественной филологии только в 1920–1930-е годы, в САР впервые были реализованы принципы, которые мы позже будем относить к неотъемлемым свойствам нормативно-стилистического словаря, а именно: 1) в нем описана актуальная для языкового коллектива лексика (активный и пассивный словарный запас носителя современного языка в синхронии), 2) объектом описания является русский литературный язык (включаются только «благопристойные» слова и выражения, а источниками словаря и иллюстративного материала являются образцовые литературные и церковные тексты); 3) в словаре отражены актуальные нормы орфографии и грамматики; 4) стилистические пометы носят рекомендательный характер. Показательным является и небольшой объем словника — 40–50 тысяч единиц.

Следующий фундаментальный академический словарь — *«Словарь церковнославянского и русского языка»* (1847) — строится на совершенно иных основаниях. В предисловии к словарю декларируется: «Для удовлетворения требованиям нашего времени Словарь должен <...> быть сокровищницей языка на протяжении многих веков, от первых письменных памятников до позднейших произведений нашей словесности» [34, с. XI]. Следствием такого подхода становится очень широкий объем включаемой лексики (церковнославянской, собственно русской, областной, новых слов и отчасти индивидуально-авторских образований) — всего более 110 тысяч единиц.

Словарь 1847 г. заложил в традиции нашей лексикографии новый — исторический — подход: 1) в словарь включалась лексика из всей литературы, известной носителям языка, т.е. словарь становился «сокровищницей» языка, объект его описания — русский национальный язык письменного периода; 2) использовавшиеся в словаре функционально-стилистические пометы, носили не нормативный, а генетический характер; 3) источниками словаря являлись памятники

древности, церковные тексты, художественная литература, народные говоры. Единственным элементом прошлой традиции в словаре 1847 г. осталось отражение актуальных для носителей языка норм правописания и грамматики.

Таким образом, в середине XIX в. в российской лексикографии наступает период историзма, обусловленный как накоплением собственного опыта, так и общей для всех европейских культур тенденцией развития словарного дела. В этот период, отмеченный повышенным вниманием к национальной истории и этнографии, создаются такие авторские тезаурусы, как *«Толковый словарь живого великорусского языка»* В.И. Даля и *«Материалы для словаря древнерусского языка»* И.И. Срезневского, под эгидой Академии наук издается *«Опыт областного великорусского словаря»*. Подготовка очередного толкового словаря начинается только в 1886 г. под руководством акад. Я.К. Грота, и первым шагом на этом пути становится формирование эмпирической базы словаря — картотеки с выписками из лучших русских писателей.

Гротовский *«Словарь русского языка»* (том 1) (1891–1895) представляет собой уникальное произведение лексикографии. Задуманный и реализованный в период господства тезаурусного подхода, он — в силу оригинальных научных воззрений своего редактора (см. выше) — оказался образцом словаря современного русского литературного языка и заложил фундамент для будущей концепции нормативности толкового словаря, впервые изложенной в трудах Л.В. Щербы и ставшей одним из важнейших достижений отечественной теории лексикографии XX в. Однако дальнейшее издание академического словаря (1897–1929), которое после смерти Я.К. Грота возглавил акад. А.А. Шахматов, вернуло российскую толковую лексикографию в русло историзма. Если Грот, рассматривая нормативную и историческую традиции как равноправные, считал «французский» путь более предпочтительным ввиду его большей пользы для широкой аудитории, то Шахматов в духе «немецкого» историко-этимологического подхода признает нормативность «недостатком» академического словаря. С известной долей радикализма он утверждает: «Главный и единственный авторитет в языке — это обычай, употребление», поэтому «странно было бы вообще, если бы ученое учреждение вместо того, чтобы показывать, как говорят, решалось указывать, как надо говорить. <...> Вот почему академия должна дать в словаре отечественного языка по возможности полное описание существующего словоупотребления; ее

Словарь должен содержать не плоды сочинительства и “научных” соображений о том, как следует говорить, а такой надежный материал, из которого было бы видно, как говорит народ в различных областях России, как выражаются современные писатели, в каком значении употреблялись те или другие слова писателями прежнего времени и т.д.» (цит. по: [35, с. 902–903]).

Научный авторитет А.А. Шахматова и соответствие его словарной концепции духу времени определили развитие отечественной лексикографии на несколько десятилетий — и, тем не менее, не привели к завершению словаря. Расширение словарной эмпирической базы, накопление огромного количества материалов, обусловленное лексикографической традицией историзма⁷, не позволило завершить начатый проект. Представляется, что причиной этому стал именно резкий отказ Шахматова от любого проявления нормативности и связанного с ней селективного подхода к отбору материала, что было подкреплено идеями и методами немецкой науки и лексикографии, оказывавшими значимое влияние на российскую лингвистику второй половины XIX в. Так, согласно оценке В.В. Колесова, которая вполне может быть применена и к «шахматовской редакции» словаря, научные методы немецкого исторического языкознания «помогли собрать бесконечное число конкретных фактов, но осмыслить их не сумели» [37, с. 189]⁸.

Неслучайно в 1929 г. Л.В. Щерба, выступая с острой критикой словаря А.А. Шахматова, указывает на его *бессистемный*, хаотический характер и подчеркивает, что из поля зрения его авторов «совершенно ускользнула задача составления словаря русского *литературного языка*⁹ (курсив наш. — *Р.В., М.П.*)» (цит. по: [35, с. 905]) — задача, которую успешно решал в своем словаре

Я.К. Грот. А для Щербы, напомним, нормативное описание литературного языка — это именно описание его *системы*, функционирующей в речевой практике языкового коллектива как целостный сложный объект.

Несмотря на то что в концепции очередного академического «*Словаря русского языка*» под ред. акад. Н.С. Державина (1930–1937) была сделана попытка уйти от историзма предыдущего издания (словарь должен был описывать лексику современного языка и отражать нормативный язык нового строя в противоположность нормативному языку господствовавшего ранее класса), сам дух исторического подхода сохранился, что нашло отражение в одном из рабочих названий словаря — «Толковый словарь современного русского языка, взятый в историческом развитии» (см. [28]). И поскольку авторы вынужденно опирались на шахматовские выпуски, их словарь остался типологически спорным и не завершенным.

По решению Президиума АН СССР от 5 августа 1937 г., следующий академический словарь — будущий семнадцатитомный «*Словарь современного русского литературного языка*» (БАС-1) — должен был стать одновременно и *толково-историческим*, и *нормативным* [39, с. 80]. В отличие от предшествовавших словарей, типологическая природа которых определялась естественным ходом развития литературы и лексикографии, типологические особенности БАС-1 представляют собой совокупный результат целого ряда исторических причин, в том числе конъюнктурно-политических.

Так, по своим теоретическим установкам словарь должен был отразить *нормативный* русский литературный язык текущего периода («эпохи диктатуры пролетариата и победы социализма» [40, с. 26]), но при этом он должен был охватывать языковой материал начиная с эпохи Пушкина, то есть быть *толково-историческим*. Кроме того, учитывая сроки издания, определенные административным путем (планировавшиеся 15 томов должны были быть подготовлены к концу пятилетки), лексикографы вновь были вынуждены начать работу на основе материалов «шахматовской редакции», что не могло не отразиться на облике нового словаря.

В концепцию БАС-1, таким образом, был изначально заложен компромисс, обозначенный Л.В. Щербой как допустимый, но требующий строгого обоснования (см. выше). Тем не менее на практике конфликтность поставленных перед академическим словарем задач привела к целому ряду методологических противоречий,

⁷ Вероятно, отчасти это связано и с культурным влиянием позитивизма, во многом определившего пути научного познания эпохи (во всяком случае, именно так объясняются схожие явления в итальянской лексикографии начала XX в. [36, с. 49]).

⁸ Ср. также оценку, которую дает «Немецкой грамматике» Я. Гримма Антуан Мейе: «Самые мелкие подробности отмечаются в ней со старанием или, лучше сказать, с благоговением; но тонкая и сложная игра действий и воздействий, которыми разъясняются языковые явления, еще полностью не освещена; это скорее собрание наблюдений, а не объяснений» [38, с. 452].

⁹ Подчеркнем значимое отличие в понимании нормативности у Щербы: «Некоторые (и в частности, Шахматов. — *Р.В., М. П.*) <...> готовы противопоставлять нормативный словарь описательному. Это недоразумение: хороший нормативный словарь не придумывает нормы, а описывает ту, которая существует в языке, и уж ни в коем случае не должен ломать эту последнюю» [9, с. 97].

которые с первых шагов работы возникали у авторов словаря и вызывали закономерную критику у специалистов.

Нормативность в БАС-1 реализуется в формировании словника (в словарь включается лексика современного литературного языка), в отражении современной нормы при орфографической и грамматической характеристике слова, в расположении значений многозначного слова (от наиболее актуального к устаревшим или специальным), в стилистической характеристике слова с точки зрения действующей литературной нормы. Важнейшей формой отражения последней является иллюстрирование значений цитатами из произведений художественной и научно-популярной литературы, при этом обилие приводимых цитат в нормативном БАС-1, безусловно, является наследием исторического тезауруса А.А. Шахматова (см. [41]).

Историзм БАС-1 реализуется в показе первой лексикографической фиксации слова, всех его орфографических, орфоэпических, грамматических вариантов, которые нашли отражение в толковых и энциклопедических словарях начиная с XVII в., в иллюстрировании каждого значения рядом цитат в хронологическом порядке. Широкое понимание современного литературного языка как относящегося к периоду «от Пушкина до наших дней» способствует тому, что историзм концепции словаря влияет и на его словник: в словарь широко включается областная и устаревшая лексика (подробно о проблеме нормативности и историзма БАС-1 см. [42]).

В лексикографической дискуссии середины 1960-х годов, когда подводились итоги составления БАС-1 и намечались перспективы дальнейшей словарной работы, главным упреком словарю был именно компромисс между историзмом и нормативностью, повлекший за собой противоречия в описании лексики. Акад. В.В. Виноградов, признававший огромное научное и социальное значение словаря, в то же время утверждал, что БАС-1 не стал ни толково-историческим, ни нормативно-стилистическим, в связи с чем даже «не оформился в особый самостоятельный тип словаря» [43, с. 25]. Это же подчеркивал и Ю.С. Сорокин: «Для исторического словаря он (БАС-1. — *Р.В., М.П.*) оказался и недостаточно полным, и недостаточно точным; эволюция словоупотребления за полтора столетия не показывается в нем с достаточной последовательностью, а в оценке материалов сталкиваются точки зрения разных эпох; принцип нормативной оценки с точки зрения нашей современности явно

мешает установлению ясной исторической перспективы, а для нормативного словаря нашей эпохи он недостаточно определен в самом своем составе и недостаточно конкретен в своих оценках и рекомендациях» [21, с. 24].

Результатом дискуссии вокруг БАС-1 стал консенсус о том, что следует разграничить задачи нормативно-стилистического и исторического описания лексики в словарях разных типов — толковых и исторических. Именно это послужило отправной точкой для развития исторической лексикологии и лексикографии в нашей стране. Однако в последующих изданиях БАС-1 сохранился присущий ему типологический синкретизм, обусловленный стихийным слиянием двух базовых лексикографических традиций.

Разработка нормативно-стилистического словаря современного русского языка, не обремененного историческими задачами, стала приоритетной целью советской академической лексикографии еще во время работы над БАС-1 (подробнее об этом см. [22]; [29]). Так, в 1957–1961 гг. публикуется Малый академический словарь — «*Словарь русского языка*» под ред. А.П. Евгеньевой (МАС-1), основанный одновременно на академической традиции¹⁰ и на опыте составления «*Толкового словаря русского языка*» под ред. Д.Н. Ушакова (1934–1940). Согласно известной типологии С.И. Ожегова, МАС-1 стал толковым словарем среднего типа — «с детальной разработкой исторически оправданного стилистического многообразия современного литературного языка» [44, с. 91–92].

Оба толковых словаря (Большой и Малый), продолжая традицию русской академической лексикографии, единственные из всех прочих толковых словарей русского языка сохраняют следующие академические принципы:

- являются фундаментальными (многотомными);
- описывают современный литературный язык в его стилистическом расслоении, т.е. относятся к нормативно-стилистическому типу;
- ориентированы и по словнику, и по отражаемой семантике, и по характеру иллюстративного материала на собственно литературный язык;
- иллюстрируя значения цитатами из художественной литературы, позволяют не только

¹⁰ Характерно использование для МАС-1 лаконичного названия, отсылающего к словарям под редакцией Я.К. Грота, А.А. Шахматова и Н.С. Державина, — «Словарь русского языка».

регистрировать лексический фонд русского языка, но и показывать его богатство и функционально-стилистическое разнообразие.

Таким образом, если благодаря БАС-1 русская толковая лексикография обрела опыт (пусть и не безошибочный) создания комплексного нормативно-исторического словаря литературного языка и пришла к выработке методологии собственно исторической лексикографии, то МАС-1 и его дальнейшие издания вернули словарное дело в нашей стране на путь нормативной академической лексикографии, «непревзойденный образец» которой, по словам В.В. Виноградова [25, с. 231], был предложен Я.К. Гротом в конце XIX в.

Заключение

Типологические характеристики фундаментального толкового словаря любого языка имеют не только научные, но и, прежде всего, культурологические основания. Если справочная, дидактическая, учебная лексикография в большей степени развивается по универсальным законам, то эволюция *толковой* лексикографии в целом ряде европейских культур шла параллельно с процессами централизации государств и интеграции обществ и была обусловлена ходом социокультурного и литературного развития наций. Именно поэтому национальные толковые лексикографии имеют как типологически общие закономерности в своем развитии, так и индивидуальные особенности, обусловленные ментальными, социальными и историко-культурными традициями каждого из народов.

В XVII–XVIII вв. культурно-историческая специфика эпохи Просвещения с характерным для нее абсолютизмом государственной власти и расцветом классицизма в искусстве закономерно привела к созданию национальных академий и обществ, призванных изучать языки и литературу с целью их очищения и закрепления в нормативных словарях, кодифицирующих государственный литературный язык (Италия, Франция, Испания). В XIX в., после завершения наполеоновских войн, в странах Европы возникает тенденция к росту национального самосознания народов, развивается романтизм, идеалистическая философия и, как следствие, формируется такая толковая лексикография, которая описывает лексику национальных языков за длительные периоды существования письменности или литературы (Германия, Англия, Швеция, Нидерланды, Дания).

Культурологическая обусловленность этих двух традиций подтверждается целым рядом закономерностей: первая из них оказалась в большей степени свойственна романским языковым культурам, вторая — германским; первая была связана с развитием государственности, вторая — с развитием науки и истории; в основе первой лежит приоритет национальной литературы, в основе второй — идея общности и единства нации.

В европейской теории лексикографии эти два различных подхода к описанию словарного состава — лексики литературного языка как образцового и лексики национального языка как сокровищницы его культуры и истории — обусловили формирование двух противопоставленных лексикографических принципов — нормативности и историзма. И в полной мере последствия этого теоретико-методологического конфликта испытала на себе российская толковая лексикография, ставшая в конце XVIII в. неотъемлемой частью европейского культурно-исторического процесса.

Зарубежный опыт всегда осмыслялся отечественными лексикографами как чрезвычайно значимый, отсюда пристальное внимание русских ученых к крупнейшим словарям европейских языков. Рецепция этого опыта привела к тому, что в различных толковых академических словарях русского языка нашли отражение обе фундаментальные лексикографические традиции. Но, в отличие от других стран Европы, ни одна из них не стала в России доминирующей.

Нормативная академическая традиция возникла в русской лексикографии под влиянием французского опыта: Академия Российская была создана по образцу Французской Академии, а «Словарь Академии Российской» (1789–1794) — по аналогии со Словарем Французской академии. Но если французский академический словарь по сей день выходит на тех же нормативных основаниях, то каждый из последующих академических словарей русского языка основывался на принципах, отличных от предыдущего.

Так, при создании академического «Словаря церковнославянского и русского языка» (1847) преобладающим стал принцип историзма: словарь включил лексику церковнославянской и собственно русской языковых стихий, впервые представив собой тезаурус («сокровищницу») национального языка. Следующий академический словарь, напротив, был задуман Я.К. Гротом как строго нормативный, и лучший образец реализации этого принципа представлен в его первом томе (1891–1895). Однако в последующих томах

этого издания (1897–1930), выходявших уже под редакцией А.А. Шахматова, с максимальной полнотой реализовался исторический принцип лексикографии: лексика национального языка представлена в нем за длительный период истории языка по всей территории его распространения. Возникновение принципа историзма в российской лексикографии XIX в. можно связать и с общеевропейской тенденцией эпохи, и с непосредственным влиянием немецкой словарной традиции, ярчайшим представителем которой был, безусловно, словарь Я. и В. Гриммов.

С конца XVIII в. вплоть до 1930-х годов российская академическая толковая лексикография продолжала поиск своей оригинальной специфики на пересечении нормативного и исторического подходов к словарному описанию языка. Результатом этого полуторавекового поиска стала лексикографическая теория акад. Л.В. Щербы (1940). Предложенная им типология словарей основана как на практическом опыте, так и на осмыслении разных словарных традиций в их взаимодействии и взаимовлиянии. Выработанное Щербой представление о нормативности как фундаментальной категории, определяющей объект описания в толковом словаре («единое (реальное) языковое сознание определенного человеческого коллектива в определенный момент времени» [9, с. 90]), обусловило значительный прогресс дальнейшей отечественной лексикографии. Во второй половине XX в. был реализован целый ряд крупнейших словарных проектов, и прежде всего — Большой и Малый академические словари русского языка (и их переиздания).

Новую актуальность изучение зарубежных лексикографических проектов приобретает на современном этапе развития лексикографии, который, прежде всего, отмечен цифровизацией — тенденцией, объединяющей едва ли не все национальные словарные культуры. Сегодня накоплен большой опыт создания словарей в онлайн-формате, и российские лексикографы, вступая на этот путь, должны учитывать имеющиеся результаты. Однако, как было показано выше, развитие толковой лексикографии в нашей стране протекает на пересечении общемировых и национальных тенденций. Поэтому представляется, что именно этой «кросс-культурной» традиции и должен быть отдан приоритет.

Так, по нашему мнению, наиболее перспективной для выработки новой системы толковых словарей русского языка в современных технологических условиях по-прежнему остается *нормативно-стилистическая* концепция Л.В. Щербы [9],

развитая впоследствии Ю.С. Сорокиным [21] и Г.Н. Складневской [45] (ее современное прочтение см. в [22]). Реализация этой концепции в онлайн-среде позволит пересмотреть существующие подходы к словарному описанию лексико-стилистических норм как в синхронном плане, так и с учетом их исторической динамики. И безусловно, этот процесс будет происходить в условиях культурно-технологического взаимодействия российской и зарубежных лексикографий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гак В.Г. О некоторых закономерностях развития лексикографии (Учебная и общая лексикография в историческом аспекте) // Актуальные проблемы учебной лексикографии / Сост. В.А. Редькин. М.: Рус. яз., 1977. С. 11–27.
2. Дюбуа Ж., Дюбуа К. Педагогическая речь словаря // Актуальные проблемы учебной лексикографии / Сост. В.А. Редькин. М.: Рус. яз., 1977. С. 38–50.
3. Adamska-Sałaciak A. Lexicography and theory: Clearing the ground // International Journal of Lexicography. 2019. Vol. 32. No. 1. Pp. 1–19.
4. Рей А., Делесаль С. Проблемы и антиномии лексикографии // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIV: Проблемы и методы лексикографии / Под ред. Б.Ю. Городецкого. М.: Прогресс, 1983. С. 261–300.
5. Голубева-Монаткина Н.И. Идеологический компонент в словарных дефинициях (на материале современных французских толковых словарей) // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2017. Т. 76. № 1. С. 55–59.
6. Грот Я.К. К соображению будущих составителей русского словаря (1858–1885) // Труды Я.К. Грота. II. Филологические разыскания. СПб., 1899. С. 129–192.
7. Касаpec X. Введение в современную лексикографию. М.: Изд-во иностр. лит., 1958. 354 с.
8. Atkins B.T.S., Rundell M. The Oxford guide to practical lexicography. New York: Oxford University Press, 2008.
9. Щерба Л.В. Опыт общей теории лексикографии // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. 1940. № 3. С. 89–117.
10. Asher R.E. Trésor de la langue française: Dictionnaire de la langue du XIXe et du XXe siècle (1789–1960). Tome premier: A: Affiner: a review // The Modern Language Review. 1975. Vol. 70. No. 3. Pp. 620–626.
11. Захарова Е.А. Отражение лексикографической практики «Словаря Академии Французской» в «Словаре Академии Российской» (1789–1794) //

- Российская Академия (1783–1841): язык и литература в России на рубеже XVIII–XIX веков / Ред. А.А. Костин, Н.Д. Кочеткова, И.А. Малышева. СПб.: [б.и.], 2009. С. 13–25.
12. Энциклопедический словарь. Изд. Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон. Т. XVIa. СПб., 1895.
 13. *Срезневский И.И.* Обзорение замечательнейших из современных словарей // Известия Императорской Академии наук по Отделению русского языка и словесности. 1854. Т. III. Вып. IV. Стб. 145–164 (части I–II); Вып. V. Стб. 177–187 (часть III); Вып. VI. Стб. 235–248 (часть IV).
 14. *Смолонкина Е.А.* Восемнадцатый век в истории немецкой лексикографии // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2015. № 3. С. 80–83.
 15. *Дашкова Е.Р.* Из «Записок» о деятельности в Академии наук и Российской Академии / Пер. С.Н. Искюля // Е.Р. Дашкова. О смысле слова «воспитание». Сочинения, письма, документы. СПб., 2001. С. 331–350.
 16. Известия о учреждении и упражнениях Императорской Российской Академии // Сочинения и переводы, издаваемые Российской Академиею. СПб., 1805. С. 1–23.
 17. История русской лексикографии / Отв. ред. Ф.П. Сороколетов. СПб.: ИЛИ РАН, 1998. 610 с.
 18. *Алпатов В.М.* Литературный язык в России и в Японии (Опыт сопоставительного анализа) // Вопросы языкознания. 1995. № 1. С. 93–116.
 19. *Алпатов В.М.* Литературный, стандартный, общий язык // Язык и действительность: сб. научных трудов памяти В.Г. Гака. М., 2007. С. 45–53.
 20. *Германова Н.Н.* Теория и история литературного языка в отечественном и англоязычном языкознании. М.: Либроком, 2011. 224 с.
 21. *Сорокин Ю.С.* О нормативно-стилистическом словаре современного русского языка // Вопросы языкознания. 1967. № 5. С. 22–32.
 22. *Воронцов Р.И.* Нормативно-стилистический толковый словарь как «моментальная фотография» современного словоупотребления: новый взгляд на учение Ю.С. Сорокина // Вопросы лексикографии. 2024. № 31. С. 5–22.
 23. *Смирницкая С.В.* Якоб Гримм — историк языка // Понимание историзма и развития в языкознании первой половины XIX века / Отв. ред. А.В. Десницкая. Л.: Наука, 1984. С. 136–162.
 24. *Срезневский И.И.* Заметки по поводу чтения мнений Я. Гримма о словаре // Известия Императорской Академии наук по Отделению русского языка и словесности. 1859–1860. Т. VIII. Вып. 3 Стб. 214–217.
 25. *Виноградов В.В.* Толковые словари русского языка // В.В. Виноградов. Избранные руды. Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1977. С. 206–242.
 26. *Приемышева М.Н.* Лексикографическая деятельность Российской Академии в 20–30-е гг. XIX в.: на пути к новому академическому словарю // Российская Академия (1783–1841): язык и литература в России на рубеже XVIII–XIX веков / Ред. А.А. Костин, Н.Д. Кочеткова, И.А. Малышева. СПб.: [б.и.], 2009. С. 149–158.
 27. *Срезневский И.И.* Замечания касательно нового издания русского словаря. Записка академика И. Срезневского // Известия Императорской Академии наук по Отделению русского языка и словесности. 1853. Т. II. Вып. V. Стб. 164–167.
 28. *Приемышева М.Н., Стукова Е.Г.* Академический «Словарь русского языка» под редакцией академика Н.С. Державина (1929–1937 гг.) в истории русской толковой лексикографии // Вопросы лексикографии. 2020. № 17. С. 195–212.
 29. *Приемышева М.Н., Стукова Е.Г.* К содержанию понятия «нормативный словарь» в отечественной толковой лексикографии: нормативно-стилистическая vs ортологическая традиции // Вопросы лексикографии. 2024. № 32. С. 5–23.
 30. *Истрин В.М.* Работа над «Словарем русского языка» // Известия Академии наук СССР. VI серия. 1927. Т. 21. Вып. 8. [Извлечения из протоколов заседаний Академии Наук СССР]. С. 1661–1673.
 31. Отчет о деятельности Академии наук СССР за 1927 г. Ч. II.: Отчет о научных командировках и экспедициях. Л., 1927. С. 52–54.
 32. *Ступин Л.П.* Проблема нормативности в истории английской лексикографии. Л.: Изд-во ЛГУ, 1979. 164 с.
 33. Dictionnaires et réseaux des lexicographes aux XVIIe et XVIIIe siècles / Ed. I. Galleron. Paris: Honoré Champion Éditeur, 2023. 268 p.
 34. Словарь церковнославянского и русского языка, сост. Вторым отд. Акад. Наук. Т. I–IV. СПб., 1847.
 35. *Приемышева М.Н.* Тезаурус русского языка в концепции А.А. Шахматова: pro et contra // Академик А.А. Шахматов: жизнь, творчество, научное наследие. Сб. ст. к 150-летию со дня рождения ученого / Отв. ред. О.Н. Крылова, М.Н. Приемышева. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 887–909.
 36. *Уваров В.Д.* Субъективное и объективное в словаре (Из опыта итальянской лексикографии) // Переводная и учебная лексикография / Сост. В.Д. Уваров. М.: Рус. яз., 1979. С. 43–52.
 37. *Колесов В.В.* Становление идеи развития в русском языкознании первой половины XIX в. // Понимание историзма и развития в языкознании первой половины XIX века / Отв. ред. А.В. Десницкая. Л.: Наука, 1984. С. 163–199.

38. *Мейе А.* Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.; Л.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1938. 510 с.
39. Постановление Президиума АН СССР // Вестник АН СССР. 1937. № 7–8. Хроника. С. 80.
40. Проект Словаря современного русского литературного языка / Отв. ред. И.И. Мещанинов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938. 98 с.
41. *Стукова Е.Г.* Принцип историзма в русской толковой лексикографии: от «шахматовской» редакции «Словаря русского языка» к семнадцатитомному Большому академическому словарю // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2024. № 211. С. 255–267.
42. *Воронцов Р.И., Приемышева М.Н., Пурицкая Е.В.* Принципы нормативности и историзма в русской академической лексикографии: еще раз о типе большого толкового словаря // Вопросы лексикографии. 2023. № 28. С. 5–27.
43. *Виноградов В.В.* Семнадцатитомный академический словарь современного русского литературного языка и его значение для советского языкознания // Вопросы языкознания. 1966. № 6. С. 3–26.
44. *Ожегов С.И.* О трех типах толковых словарей современного русского языка // Вопросы языкознания. 1952. № 2. С. 85–103.
45. *Скляревская Г.Н.* Новый академический словарь: Проспект. СПб.: ИЛИ РАН, 1994. 64 с.
- of Lexicography. Edited by B.Y. Gorodetsky]. Moscow: Progress, 1983, pp. 261–300. (In Russ.)
5. Golubeva-Monatkina, N.I. *Ideologicheskij komponent v slovarnyh definicijah (na materiale sovremennyh francuzskih tolkovyh slovarej)* [The Ideological Component in Dictionary Definitions (Based on the Material of Modern French Explanatory Dictionaries)]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2017, Vol. 76, No. 1, pp. 55–59. (In Russ.)
6. Grot, Ya.K. *K soobrazheniyu budushchih sostavitelej russkogo slovaryâ (1858–1885)* [To the Consideration of Future Compilers of the Russian Dictionary (1858–1885)]. *Trudy Ya.K. Grot. II. Filologicheskie razyskaniya* [Proceedings of Ya.K. Grot. II. Philological Research]. St. Petersburg, 1899, pp. 129–192. (In Russ.)
7. Casares, J. *Vvedenie v sovremennuyu leksikografiyu* [Introduction to Modern Lexicography]. Moscow: Publishing House of Foreign Literature, 1958. 354 p. (In Russ.)
8. Atkins, B.T.S., Rundell, M. *The Oxford guide to practical lexicography*. New York: Oxford University Press, 2008.
9. Shcherba, L.V. *Opyt obshchej teorii leksikografii* [Experience of the General Theory of Lexicography]. *Izvestiya AN SSSR. Otdelenie literatury i yazyka* [Izvestiya AN SSSR. Department of Literature and Language]. 1940, No. 3, pp. 89–117. (In Russ.)
10. Asher, R.E. Review: Trésor de la langue française: Dictionnaire de la langue du XIXe et du XXe siècle (1789–1960). Tome premier: A: Affiner. The Modern Language Review. 1975, Vol. 70, No. 3, pp. 620–626.
11. Zakharova, E.A. *Otrazhenie leksikograficheskoy praktiki “Slovaryâ Akademii Francuzskoj” v “Slovarë Akademii Rossijskoj” (1789–1794)* [Reflection of the Lexicographic Practice of the “Dictionary of the French Academy” in the “Dictionary of the Russian Academy” (1789–1794)]. *Rossijskaya Akademiya (1783–1841): yazyk i literatura v Rossii na rubezhe XVIII–XIX vekov*. Red. A.A. Kostin, N.D. Kochetkova, I.A. Malysheva [Russian Academy (1783–1841): Language and Literature in Russia at the Turn of the 18th–19th Centuries. Ed. A.A. Kostin, N.D. Kochetkova, I.A. Malysheva. St. Petersburg, 2009, pp. 13–25. (In Russ.)
12. *Enciklopedicheskij slovar. Izd. F.A. Brokgauz i I.A. Efron. T. XVIa* [Encyclopedic Dictionary. Ed. F.A. Brockhaus and I.A. Efron. Vol. 16a]. St. Petersburg, 1895. (In Russ.)
13. Sreznevsky, I.I. *Obozrenie zamechatelnejshih iz sovremennyh slovarej* [Review of the Most Remarkable Modern Dictionaries]. *Izvestiya Imperatorskoj Akademii nauk po Otdeleniyu russkogo yazyka i slovesnosti. 1854. T. III. Vyp. IV. Stb. 145–164 (chasti I–II); Vyp. V. Stb. 177–187 (chast III); Vyp. VI. Stb. 235–248 (chast IV)* [Proceedings of the Imperial Academy of Sciences on the Department of Russian Language and Literature. 1854. Vol. III. Issue IV. Stb. 145–164 (parts I–II); Issue V. Stb. 177–187 (Part III); Issue VI. Stb. 235–248 (Part IV). (In Russ.)

REFERENCES

1. Gak, V.G. *O nekotoryh zakonomernostyah razvitiya leksikografii (Uchebnaya i obshchaya leksikografiya v istoricheskom aspekte)* [On Some Patterns of Lexicography Development (Educational and General Lexicography in Historical Aspect)]. *Aktualnye problemy uchebnoj leksikografii. Sost. V.A. Redkin* [Actual Problems of Educational Lexicography. Comp. V.A. Redkin]. Moscow: Rus. Yaz. Publ., 1977, pp. 11–27. (In Russ.)
2. Dubois, J., Dubois, K. *Pedagogicheskaya rech slovaryâ* [Pedagogical Speech of the Dictionary]. *Aktualnye problemy uchebnoj leksikografii. Sost. V.A. Redkin* [Actual Problems of Educational Lexicography. Comp. V.A. Redkin]. Moscow: Rus. Yaz. Publ., 1977, pp. 38–50. (In Russ.)
3. Adamska-Sałaciak, A. Lexicography and theory: Clearing the ground. *International Journal of Lexicography*. 2019, Vol. 32, No. 1, pp. 1–19.
4. Rey, A., Delessale, S. *Problemy i antinomii leksikografii* [Problems and Antinomies of Lexicography]. *Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Vyp. XIV: Problemy i metody leksikografii. Pod red. B.Yu. Gorodeckogo* [New in Foreign Linguistics. Issue XIV: Problems and Methods

14. Smolonogina, E.A. *Vosemnadcatyj vek v istorii ne-meckoj leksikografii* [The Eighteenth Century in the History of German Lexicography]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo humanitarnogo universiteta* [Bulletin of the Vyatka State University for the Humanities]. 2015, No. 3, pp. 80–83. (In Russ.)
15. Dashkova, E.R. *Iz "Zapisok" o deyatelnosti v Akademii nauk i Rossijskoj Akademii. Per. S.N. Iskyulya* [From "Notes" on Activities at the Academy of Sciences and the Russian Academy. Trans. S.N. Iskul]. *E.R. Dashkova. O smysle slova "vospitanie". Sochineniya, pisma, dokumenty* [E.R. Dashkova. About the Meaning of the Word "Education". Writings, Letters, Documents]. St. Petersburg, 2001, pp. 331–350. (In Russ.)
16. *Izvestiya o uchrezhdenii i uprazhneniyah Imperatorskoj Rossijskoj Akademii* [News about the Establishment and Exercises of the Imperial Russian Academy]. *Sochineniya i perevody, izdavaemye Rossijskoyu Akademiiyu* [Writings and Translations Published by the Russian Academy]. St. Petersburg, 1805. pp. 1–23. (In Russ.)
17. *Istoriya russkoj leksikografii. Otv. red. F.P. Sorokoletov* [History of Russian Lexicography. Ed. by F.P. Sorokoletov]. St. Petersburg: ILS RAS Publ., 1998. 610 p. (In Russ.)
18. Alpatov, V.M. *Literaturnyj yazyk v Rossii i v Yaponii (Opyt sopostavitelnogo analiza)* [Literary Language in Russia and in Japan (Experience of Comparative Analysis)]. *Voprosy yazykoznaniya* [Topics in the Study of Language]. 1995, No. 1, pp. 93–116. (In Russ.)
19. Alpatov, V.M. *Literaturnyj, standartnyj, obshchij yazyk* [Literary, Standard, Common Language]. *Yazyk i dejstvitel'nost': Sb. nauchnyh trudov pamyati V.G. Gaka* [Language and Reality: Collection of Scientific Works in Memory of V.G. Gak]. Moscow, 2007, pp. 45–53. (In Russ.)
20. Germanova, N.N. *Teoriya i istoriya literaturnogo yazyka v otechestvennom i angloyazychnom yazykoznanii* [Theory and History of Literary Language in Russian and English Linguistics]. Moscow: Librocom Publ., 2011. 224 p. (In Russ.)
21. Sorokin, Yu.S. *O normativno-stilisticheskom slovare sovremennogo russkogo yazyka* [About the Normative and Stylistic Dictionary of the Modern Russian Language]. *Voprosy yazykoznaniya* [Topics in the Study of Language]. 1967, No. 5, pp. 22–32. (In Russ.)
22. Vorontsov, R.I. *Normativno-stilisticheskij tolkovyj slovar kak "momentalnaya fotografiya" sovremennogo slovoupotrebleniya: novyj vzglyad na uchenie Yu.S. Sorokina* [Normative and Stylistic Explanatory Dictionary as a "Snapshot" of Modern Word Usage: A New Look at the Teachings of Yu.S. Sorokin]. *Voprosy leksikografii* [Russian Journal of Lexicography]. 2024, No. 31, pp. 5–22. (In Russ.)
23. Smirnitskaya, S.V. *Yakob Grimm — istorik yazyka* [Jacob Grimm — Historian of Language]. *Ponimanie istorizma i razvitiya v yazykoznanii pervoj poloviny XIX veka. Otv. red. A.V. Desnickaya* [Understanding Historicism and Development in Linguistics of the First Half of the 19th Century. Ed. A.V. Desnitskaya]. Leningrad: Nauka Publ., 1984, pp. 136–162. (In Russ.)
24. Sreznevsky, I.I. *Zametki po povodu chteniya mnenij Ya. Grimma o slovare* [Notes on Reading the Opinions of Ya. Grimm about the Dictionary]. *Izvestiya Imperatorskoj Akademii nauk po Otdeleniyu russkogo yazyka i slovesnosti. 1859–1860. T. VIII. Vyp. 3 Stb. 214–217* [Proceedings of the Imperial Academy of Sciences on the Department of Russian Language and Literature. 1859–1860. Vol. VIII. Issue 3. Stb. 214–217]. (In Russ.)
25. Vinogradov, V.V. *Tolkovye slovari russkogo yazyka* [Explanatory dictionaries of the Russian language]. *V.V. Vinogradov. Izbrannye trudy. Leksikologiya i leksikografiya* [V.V. Vinogradov. Selected Works. Lexicology and lexicography]. Moscow: Nauka Publ., 1977, pp. 206–242. (In Russ.)
26. Priemysheva, M.N. *Leksikograficheskaya deyatelnost Rossijskoj Akademii v 20–30-e gg. XIX v.: na puti k novomu akademicheskomu slovaru* [Lexicographic Activity of the Russian Academy in the 20–30s of the 19th Century.: On the Way to a New Academic Dictionary]. *Rossiyskaya Akademiya (1783–1841): yazyk i literatura v Rossii na rubezhe XVIII–XIX vekov. Red. A.A. Kostin, N.D. Kochetkova, I.A. Malysheva* [The Russian Academy (1783–1841): Language and literature in Russia at the Turn of the 18th–19th Centuries. Ed. A. Kostin, N.D. Kochetkova, I.A. Malysheva]. St. Petersburg, 2009, pp. 149–158. (In Russ.)
27. Sreznevsky, I.I. *Zamechaniya kasatelno novogo izdaniya russkogo slovary. Zapiska akademika I. Sreznevskogo* [Remarks on the New Edition of the Russian Dictionary. Note by Academician I. Sreznevsky]. *Izvestiya Imperatorskoj Akademii nauk po Otdeleniyu russkogo yazyka i slovesnosti. 1853. T. II. Vyp. V. Stb. 164–167* [Proceedings of the Imperial Academy of Sciences on the Department of Russian Language and Literature. 1853. Vol. II. Issue V. Stb. 164–167]. (In Russ.)
28. Priemysheva, M.N., Stukova, E.G. *Akademicheskij "Slovar russkogo yazyka" pod redakciej akademika N.S. Derzhavina (1929–1937 gg.) v istorii russkoj tolkovoj leksikografii* [Academic "Dictionary of the Russian Language" edited by Academician N.S. Derzhavin (1929–1937)]. *Voprosy leksikografii* [Russian Journal of Lexicography]. 2020, No. 17, pp. 195–212. (In Russ.)
29. Priemysheva, M.N., Stukova, E.G. *K sodержaniyu ponyatiya "normativnyj slovar" v otechestvennoj tolkovoj leksikografii: normativno-stilisticheskaya vs ortologicheskaya tradicii* [On the Content of the Concept of "Normative Dictionary" in Russian Explanatory Lexicography: Normative-Stylistic Vs Orthological Traditions]. *Voprosy leksikografii* [Russian Journal of Lexicography]. 2024, No. 32, pp. 5–23. (In Russ.)
30. Istrin, V.M. *Rabota nad "Slovarem russkogo yazyka"* [Work on the "Dictionary of the Russian language"]. *Izvestiya Akademii nauk SSSR. VI seriya. 1927. T. 21.*

- Vyp. 8. [Izvlecheniya iz protokolov zasedaniy Akademii Nauk SSSR]* [Proceedings of the Academy of Sciences of the USSR. VI Series. 1927. Vol. 21. Issue 8. [Extracts from the minutes of the meetings of the USSR Academy of Sciences]]. Pp. 1661–1673. (In Russ.)
31. *Otchet o deyatelnosti Akademii nauk SSSR za 1927 g. Ch. II.: Otchet o nauchnykh komandirovkah i ekspeditsiyah* [Report on the Activities of the USSR Academy of Sciences for 1927 Part II.: Report on Scientific Trips and Expeditions]. Leningrad, 1927, pp. 52–54. (In Russ.)
 32. Stupin, L.P. *Problema normativnosti v istorii anglijskoj leksikografii* [The Problem of Normativity in the History of English Lexicography]. Leningrad: Publishing House of LSU, 1979. 164 p. (In Russ.)
 33. Dictionnaires et réseaux des lexicographes aux XVIIe et XVIIIe siècles. Ed. I. Galleron. Paris: Honoré Champion Éditeur, 2023. 268 p. (In French)
 34. *Slovar cerkovnoslavjanskogo i russkogo yazyka, sost. Vtorym ot. Akad. Nauk. T. I–IV* [Dictionary of Church Slavonic and Russian, Comp. The Second Ed. Acad. Sciences. Vol. I–IV]. St. Petersburg, 1847.
 35. Priemysheva, M.N. *Tezaurus russkogo yazyka v koncepcii A.A. Shakhmatova: pro et contra* [Thesaurus of the Russian Language in the Concept of A.A. Shakhmatov: Pro Et Contra]. *Akademik A.A. Shakhmatov: zhizn, tvorchestvo, nauchnoe nasledie. Sb. st. k 150-letiyu so dnya rozhdeniya uchenogo. Otv. red. O.N. Krylova, M.N. Priemysheva* [Academician A.A. Shakhmatov: Life, Creativity, Scientific Heritage. Collection of Articles on the 150th Anniversary of the Scientist's Birth. Ed. O.N. Krylova, M.N. Priemysheva]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya Publ., 2015, pp. 887–909. (In Russ.)
 36. Uvarov, V.D. *Subektivnoe i objektivnoe v slovare (Iz opyta ital'ianskoj leksikografii)* [Subjective and Objective in the Dictionary (From the Experience of Italian Lexicography)]. *Perevodnaya i uchebnaya leksikografiya. Sost. V.D. Uvarov* [Translational and Educational Lexicography. Comp. V.D. Uvarov]. Moscow: Rus. yaz. Publ., 1979, pp. 43–52. (In Russ.)
 37. Kolesov, V.V. *Stanovlenie idei razvitiya v russkom yazykoznanii pervoj poloviny XIX v.* [Formation of the Idea of Development in Russian Linguistics of the First Half of the 19th Century]. *Ponimanie istorizma i razvitiya v yazykoznanii pervoj poloviny XIX veka. Otv. red. A.V. Desnickaya* [Understanding Historicism and Development in Linguistics of the First Half of the 19th Century. Ed. A.V. Desnitskaya]. Leningrad: Nauka Publ., 1984, pp. 163–199. (In Russ.)
 38. Meje, A. *Vvedenie v sravnitel'noe izučenie indoevropejskix jazykov* [Introduction to the Comparative Study of Indo-European Languages]. Moscow, Leningrad: State Social Economy Publishing House, 1938. 510 p. (In Russ.)
 39. *Postanovlenie Prezidiuma AN SSSR* [Resolution of the Presidium of the USSR Academy of Sciences]. *Vestnik AN SSSR* [Bulletin of the Academy of Sciences of the USSR]. 1937, No. 7–8, Chronicle, p. 80. (In Russ.)
 40. *Proekt Slovarja sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka. Otv. red. I.I. Meshchaninov* [Project of the Dictionary of the Modern Russian Literary Language. Ed. I.I. Meshchaninov]. Moscow, Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1938. 98 p. (In Russ.)
 41. Stukova, E.G. *Princip istorizma v russkoj tolkovoj leksikografii: ot "shahmatovskoj" redakcii "Slovarja russkogo jazyka" k semnadcatitomu Bolshomu akademicheskomu slovarju* [The Principle of Historicism in Russian Explanatory Lexicography: From the "Shakhmatov" Edition of the "Dictionary of the Russian Language" to the Seventeen-Volume Great Academic Dictionary]. *Izvestiya RGPU im. A.I. Gercena* [Bulletin of the RSPU named after A.I. Herzen]. 2024, No. 211, pp. 255–267. (In Russ.)
 42. Vorontsov, R.I., Priemysheva, M.N., Puritskaya, E.V. *Principy normativnosti i istorizma v russkoj akademicheskoj leksikografii: eshche raz o tipe bolshogo tolkovogo slovarja* [Principles of Normativity and Historicism in Russian Academic Lexicography: The Great Explanatory Dictionary Type Re-Examined]. *Voprosy leksikografii* [Russian Journal of Lexicography]. 2023, No. 28, pp. 5–27. (In Russ.)
 43. Vinogradov, V.V. *Semnadcatitomnyj akademicheskij slovar sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka i ego znachenie dlya sovetskogo yazykoznanija* [The Seventeen-Volume Academic Dictionary of the Modern Russian Literary Language and its Significance for Soviet Linguistics]. *Voprosy yazykoznanija* [Topics in the Study of Language]. 1966, No. 6, pp. 3–26. (In Russ.)
 44. Ozhegov, S.I. *O trekh tipah tolkovykh slovarnej sovremennogo russkogo jazyka* [On Three Types of Explanatory Dictionaries of the Modern Russian Language]. *Voprosy yazykoznanija* [Topics in the Study of Language]. 1952, No. 2, pp. 85–103. (In Russ.)
 45. Sklyarevskaya, G.N. *Novyj akademicheskij slovar: Prospekt* [New Academic Dictionary: Prospect]. St. Petersburg: ILS RAS Publ., 1994. 64 p. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 3 июля 2024 г.

Статья поступила после рецензирования и доработки: 14 июля 2024 г.

Статья принята к публикации: 15 августа 2024 г.

Дата публикации: 31 октября 2024 г.

Received by Editor on July 3, 2024

Revised on July 14, 2024

Accepted on August 15, 2024

Date of publication: October 31, 2024